

ОКТАБРЬ

1 октября 1922 г. Париж.

Письмо Ю.Н. Рериха к родителям

270, rue de Vaugirard / XV PARIS

1/ X

Дорогие Папа и Мама!

Так был обрадован получением Ваших писем от 20 Сент. с.г.

Вчера был у М-ме Манциарли и просидел довольно долго. И.В. произвела на меня страшно хорошее впечатление, и давно так хорошо не проводил время. Говорили об Индии, об Аробиндо Гош, о Тагоре. Нас всех очень ждут в Шантиникетан.

Сильное впечатление на меня произвёл её рассказ об Ар. Гош., действительно, это человек, к которому следует ехать. Он в настоящее время работает со своими учениками над объединением сознания. Встретиться с ним очень трудно, ибо Он находится в очень глубокой йоге. И.В. много говорила о папе, и, видимо, всех нас очень глубоко чувствует. Вообще, приёмом я был очень тронут, и так было хорошо говорить с действительно интеллигентным человеком. В Среду буду у них обедать и познакомлюсь с двумя русскими востоковедами, Елисеевым (окончил Токийский Унив.) и Минорским.

В Субботу же иду с И.В. к одному оккультисту – дервишу. Здесь в Париже также находится Успенский. В Среду передам книгу М. М.

На будущей неделе повидеюсь с Голубевым, который скоро уезжает в Индо-Китай. М-ме Манциарли хорошо знает Васот, которому я уже написал письмо.

Дело моё с bourse вполне уладилось, и bourse мне выдаётся “dans aucune condition de scolarité” . [при любых условиях обучения (фр.) – ред.]

Pelliot не хочет, чтобы я брал Доктора, а хочет, чтобы я занимался только научно, и больше сам. Вы понимаете, как мне это приятно. Сейчас я уже завален работой, зубрю древний китайский язык. Экзаменов у меня не будет.

В Германии купил интересную книгу Spengler'a “Der Untergang des Abendlandes”, т.е. «Падение Запада», в которой он доказывает крушение Европейской цивилизации и восхождение России и Востока.

Spengler “Das Untergang des Abendlandes” («Падение Запада») 1922.

Мечтаю о Вашем приезде сюда, всё же для меня здесь жизнь интереснее, чем в U.S.A. Больше людей, с которыми можно поговорить. Верю, что всё будет

хорошо и мечтаю об Индии. Главное, что у меня проснулось старое стремление туда, которое было меня покинуло в U.S.A.

В настоящее время мы переживаем событие чрезвычайной важности, а именно борьба Британии с Востоком. Я убеждён, что Турция победит и это будет конец Брит. владычеству на Востоке.

Словом, чувствую себя хорошо. Были ли новые указания от М.М.? В прошлом письме я Вам описал явление, которое было со мною. Интересно знать, что это было.

Когда Мама напишет М-ме Sklever хотя бы маленькую "notice".

Я рассказал Pelliot о моём объяснении некоторых скифских имён, оказалось, что оно *совершенно новое*.

Сообщите мне адрес редакции "Geographical Magazine", ибо хочу написать статью о Средней Азии и немного заработать долларов.

Пока всех Вас крепко целую

Любящий Вас

Ю. Рерих

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке

5 октября 1922 г. Нью-Йорк

Письмо Н.К. Рериха к Ю.Н. Рериху

5 окт.

Родной мой Юрик, сегодня получил Твоё письмо от 24 Сент. Неужели все письма, кот[орые] мы писали на имя Шклявера, пропали? Там были хорошие, нужные письма с messagam'и! И я так радовался, видя, как дух Твой углубляется в Великое Служение. Мы живём в сплошной сказке. Всё растёт! Каждый день чудеса! Конечно, Corona Mundi – будет золотым дном.

< > пишет, что видела меня в ауре Белой Ложи.

Мама чувствует себя много лучше. Сейчас ищет квартиру. Света – в тумане – очень боится, что чёрный Данилович ему очень вредит. Для Corona Mundi Ты действуешь не только лично, но как корреспондент учреждения. Как важно будет Твоё свидание с Манциарли. Мы прямо поражены, как значение наше здесь утверждается с каждым днём – прямо незримая подготовка для Поручения.

Не имею вестей от Шибаяева (о нём были тревожные messag'и).

Попроси Гессена вернуть мою рукопись, если она ещё не напечатана. Обе старин. картины проси антиквара выслать мне сюда в Школу.

Писал ли Ты автоматически? Пишу из Школы – рядом работают две пишущие машинки!! Вышли мне каталог Salon d'Automie.

Целуем крепко нашего родного Тамерлана – наш передовой отряд.

Привет Шкляверу.

Н Рерих

[Е.И.] Милый, славный мой Юханчик, радуюсь каждой твоей вести – целую тебя – в пятницу переезжаем на квартиру.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке

7 октября 1922 г. Париж.
Письмо Ю.Н. Рериха к родителям

270, rue de Vaugirard / PARIS. XV
7 окт. 1922.

Дорогие Папа и Мама!

Снова хочется мысленно побыть с Вами. За эти дни произошло многое. Ясно, что на земле существует группа, у которой образ мышления, уклад жизненный – одинаковы. Вчера вечером мне многое поразительное сказала И.В. Манциарли. Я думал, что моё Средне-Азиатское прошлое узнают на Востоке, но вчера его во мне узнала И.Вл. Поразительно точно описала мой характер, и сказала то, что так часто мне говорила Мама, о необходимости bhakti¹, что наука меня сушит, и т.д. И.В. мне много читала своих вещей, которые она называет «правдами». Надеюсь, что Вы с ними ознакомитесь в Америке, куда И.В. едет в Январе.

Жаль, что после отъезда И.В. не с кем будет говорить о вещах не от мира сего. Книга М.М. произвела на И.В. громадное впечатление, и И.В. считает, что много сказано для неё.

Мне всё яснее и яснее становится ход мировой эволюции. Здесь в Европе чувствуется, как всё устарело, как всё стоит на столбах, которые давно прогнили. Нужно, чтобы всё рухнуло, чтобы опять начать восхождение. Так незаметно приходишь к мысли о масонском идеале – Храма Соломона.

Думаю, что великий сдвиг произойдёт скоро, там, в Америке он мало чувствуется, но здесь он ясен. Как погибающие люди стараются удержать потерянное равновесие, но ни оружие, ни вся хитроумность политических вождей не могут остановить ход событий.

Живём в дни заката всё же великой Культуры Мира. Вспоминается Египет, стольный Рим, изнеженная Византия и Каменная Ассирия.

Единственное, что остаётся, это найти где-то себе ashram, и там переждать бурю. Верю, что он будет найден, и радуюсь, что мы не одни в этом ис-кании.

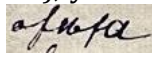
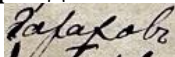
Вчера, занимаясь китайским языком, вдруг почувствовал, что что-то идёт.

То, что было написано, посылаю Вам:

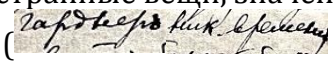
Мужественный, зачем приостановил
свой путь?
Иль не заманчива лента дороги?
Быть может, ты убоился простора?
Иди вперёд, ты ищешь знания,
и в кличе твоём не должно раздаваться
сомнения.
Умолкли голоса сомнений!
За вершинами гор скрылось Солнце.
Но сумерки тебя пугать не должны.
Помни – что там за горами снова
солнце сияет.

¹ преданность, преданное служение (санскр.)

Дорогие мои, терпение: ещё немного лирики, а потом к делу. Напоминания нашей жизни наводняют меня. Каждый мелкий факт приобретает теперь большое значение. Сколько ошибок, сколько ошибок. И какие они ясные теперь, какие выпуклые. Благодаря им, я теперь в трудное время почти безоружен. Да, безоружен и одинок. Кроме Вас, у меня никого. Мама? Между мамой и мной – пропасть безмерная. И хотя соблюдается полный мир, и кажется иногда, что и пропасти совсем нет, а просто луг большой с цветами. Однако через этот луг ходить друг к другу не дерзнём. Товарищи и близкие люди погибли все. Остальное – дым. Вот Ты и подумай, что значит для меня получить от Вас *Такое письмо*.

Вот теперь напишу о насущном и о всех моих сомнениях. Дело вот в чём. По *настоятельным* предупреждениям О.Д. Машуковой, что вещам, не попавшим в список реквизируемых Об. Поощр. Худ., *оставаться в квартире опасно*, т. к. помещение квартиры каждую минуту может быть занято и тогда ни одна вещь сохранена быть не может, а также и по моим собственным соображениям (так как непригоже мне видеть, как вещи тают, а это я уже видел, и ничего не предпринимать). Я решился действовать самостоятельно: вывести из квартиры оставшиеся вещи, что и сделал, напутствуемый наставлениями и одобрениями Ольги Дмитриевны и Комитета Об-ва в лице С.П. Яремича. *Вывел и ликвидировал*: мягкую мебель в спальне Вашей (диван, два кресла и два стула с той же обивкой (100 миллионов рублей), умывальник в детской (50 миллионов) и Лялин шифоньер персидского (в спальне) (75 миллионов), столовый сервиз братьев (скверный) (100 миллионов). Перевозка всех вещей обошлась увы! *272 миллиона рублей*. Я не переплатил, это по уверению знающих людей, *дёшево*. Вот может быть дёшево продал Ваши вещи, но и тут не виноват, т.к. продать пришлось спешно – нужно было расплатиться с вещами в течение нескольких дней. От продажи осталось у меня около 80-ти миллионов, из которых 36 я заплатил в гимназию за детей за октябрь месяц и на 25 миллионов купил самые необходимые учебники для них же. Остаётся, как видите, немного.

Конечно, дорогие, мне было бы гораздо выгоднее оставить вещи там, на квартире, и продавать мелочи, посуду и ковры по мере надобности. Но этого сделать никак нельзя было, т.к. кроме опасности, грозившей всем вещам, самое ценное уходило: так, ковры, которые я с помощью О.Д. отыскал сам, наполовину взяты Белым (3 самых больших), школьные живописные стёкла – тоже, граммофон – тоже, столовая, лампа и часы – тоже; кроме того, А.Ф. Белый, который теперь перестал уже говорить намёками, утверждает, что хрусталь, фарфор и бронза и ещё что-то, чего он и сам не знает, всё у В.Ф. Белого, о котором он не может говорить иначе, как приняв брому. Куда девалась вся кухонная посуда – не знаю, остались только формочки для заливных и разные странные вещи, значение коих в хозяйстве для меня темно. Посуду чайную

(... Ник. времени) ликвидировать боюсь без Бори, может быть им и Вам нужна будет). Ещё одну посуду столовую не ликвидирую, а прошу оставить мне для пользования, т.к. своей нет. От Белого получил 23 эскиза Твоих, так что у меня теперь около 60 Твоих вещей (рисунки и эскизы в красках).

Из крупных вещей у меня остались:

1) Столовая (стол, 18 стульев, два буфета, шкафчик, зеркало и ещё круглый стол, и маленький столик с мраморной доской).

2) Спальня (кровати, зеркальный шкаф, хорошенький высоконький комодик и зеркальные ширмы).

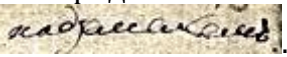
3) Коридор (3 шкафа). 4) Зелёная комната (стол и горка).

5) Твоя мастерская (стол и 3 шкафа, один – оружейный).

6) Детская (2 книжных шкафа, кровати). 7) Гостиная (рояль).

Из мелочи: все камни, много книг и журналов, немного хрусталя (один графин, рюмки, бокалы и стаканы) и малопонятные остатки кухонной посуды.

Да, ещё зелёный стеклянный прибор для крющона, 3 ковра (2 небольших, и один порядочный и мало попорченный). Вот с этими вещами я сижу теперь и молю Бога, да пришлёт он скорее Борю мне на выручку.

Это всё фактическая сторона дела. А моё отношение ко всему этому крайне сложно. Кроме того, что я потонул в книгах и камнях (проходу нет) и Катя измучилась переноской и уборкой, на дне сердца моего шевелится какой-то червь и каждая вещь, кажется мне, с укоризной на меня смотрит. Посмотришь на какую-нибудь мелочь, вспомнишь что-нибудь, так сердце и сжимается. Что делать? Как поступить правильно? Как честно и справедливо, со спокойной совестью *воспользоваться Твоим разрушением, облегчить себе существование продажей Твоих вещей*. Всё это покоя мне не даёт. Продавать Твои эскизы я прямо не могу, о чём уже писал Тебе. Тоже и с

Оно у Белого. «Три короны» тоже у него. Если Боря поедет к Тебе, то он, думаю, сможет захватить и «Три короны» с собой. Скорее бы он приезжал или бы дал знать о себе. Где он? Боюсь напутать без него. Берёт меня сомнение, так ли я поступаю, а ведь, когда человек сомневается, то действия его хороши никогда не бывают. Научите дорогие, что мне делать, если Боря не приедет, или пока не приехал. Если что я худо сделал, напишите, пожалуйста, прямо, чтобы я знал. Вас обидеть или злоупотребить Вашим доверием для меня равносильно полному бесславию и потери всякой чести. Не подумайте о моём безмерном честолюбии или о неуважительном отношении к Вашим вещам (которые и так на меня уже дуются). Ещё раз прошу написать откровенно, если что не так сделал. Твоими словами: «Сны, вводящие в грех, и сновидения правды я Тебе отдаю. Сделай так, чтобы осталась у меня к Тебе преданность и любовь!»

Здоровье моё лучше. Уже давно в обмороки не падаю. Должно быть, отъелся, благодаря Вашим посылкам. Завтра иду к Асафьеву насчёт статьи о Тебе. Помог бы Бог в этом деле. На днях напишу ещё. Очень много нужно сказать ещё. Ты всё пишешь об *Эрнсте*. Я его много раз видел и передавал ему, чтобы он написал Тебе. Он так противно снисходительно говорил о Тебе, что мне кажется, о нём не стоит и думать. Может быть, это просто его манера так жеманно выражаться, быть может, он Тебя и очень любит, не знаю, только мне что-то не нравится. Прошу ещё, если можешь и не трудно, пришли репродукции того, что работаешь.

Лялю благодарю за многое, о чём не пишу, и о чём, может быть, Ляля и не подозревает. Дорогие, увидеть бы Вас. Целую крепко Всех Вас.

Со всею своею семьёй весь Ваш,

Стёпа

19 7/X 22 г.

Архив Музея Рерихов, Москва.

8 октября 1922 г. Париж
Письмо Ю.Н. Рериха к родителям

270, rue de Vaugirard
PARIS. XV
8 окт. 1922.

Дорогие Папа и Мама!

Вчера весь день получал Ваши письма, и потому находился в восторженном настроении целый день. Замечательно то, что, видимо, Папе удалось соединиться с моим сознанием, ибо письма содержат, то подтверждение моих мыслей, то предупреждения. Шклявер относится ко мне хорошо, но, видимо, немного завидует моему успеху в Париже. Конечно, это можно терпеть, ибо всё же у них мне лучше живётся, чем в пансионе.

Вчера вечером я вновь был у Манциарли и изо всех сил старался описать значение и смысл Папиного послания Миру.

Младшая дочь И.В., которая теперь едет в U.S.A., едет к Папе, как к пророку. Вообще, думаю, что из этой встречи с Манциарли что-то большое выйдет.

В воскресенье И.В. читает доклад о своей поездке в Индию в Теософ. Общ. Обязательно отправлюсь. Из Теософ. новостей узнал, что Wadia ушёл из Общ., ибо обиделся, что вместо него Тов. <Презид.> назначили Джиннараджасу. Действительно, новые должны собраться.

Сегодня иду к кн. Тенишевой.

Чистого капитала у меня осталось = 2.430 f. (чек из N.Y., сделанный М. Horch) + 3.000 fr. (стипендия) + 70 fr. на руках = 5.500 fr.

Голубев всё в Marseille.

Крепко Вас целую
Ваш

ЮР

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке

10 октября 1922 г. Нью-Йорк
Письмо Н.К. Рериха к Ю.Н. Рериху.

10 окт. 1922 г.
250 West 82 Striet.

Родной Юрик, сообщаем Тебе наш новый адрес, но кроме Тебя пусть всё идёт по адресу Школы. Квартира большая и её размеры были даны Учителем. За эти дни – масса чудес. Наши примечания Оригена к Песне Песней, где сказано, что Песня Песней написана как дворцовое приветствие по случаю приезда дочери Фараона!!! Вообще, столько чудесного!

Получили письмо от Шибаева от 26 Сент. и оказалось, что 18 Сент. уже послан ему полный ответ в messag'e Учителя. Учитель указывал о Твоих поручениях, а главное, охранить наше достоинство перед Манциарли.

Как Твои дела? Кого успел повидать? Мы боимся, что целая серия наших писем пропала. Нельзя ли их выписать из Германии, если их переслали Тебе – ведь там были сообщения. Вообще, какая дивная сила около нас и как всё слагается чудно. Выпиши из Берлина хоть 20 экз. Цветов Мории – воспользуйся чудовищным курсом. Мама очень устала с переездом. Я так счастлив, что могу

ей дать этой зимой – и прислугу, и хорошую квартиру. Сам я простудился и несколько дней сижу дома, ибо не обратил внимания на указания Учителя. Ещё Тебе сказано: «Новую книгу ищи относительно Китайских посольств. Тцин. Тао (или Дао) можно найти».

Целуем крепко. Привет Шкляверам.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке

11 октября 1922 г.

Письмо Н.К. Рериха к Шибаяеву В.А.

«Когда является поручение, тогда приходят и люди (посланные) и приносят средства. Я уже писал Вам, что в июне² в Музее Метрополитен ко мне подошёл высокий, с проседью, человек и передал очень важный для нас message, потом, сказав «Goodbye», ушёл, скрылся. В конце же июля к нам явились посланные и принесли всё, что нужно. Так исполняется всё, что должно произойти, если оно направлено к Великому Служению».

Родной мой Яруя.

Вы мне писали от 26 сент[ября], а уже 17 сент[ября] нам был дан ответ Учителя, который Вы, конечно, уже получили и поняли. Еще 9 августа Учитель, заключая первую книгу, сказал: «Новые с любовью отворят двери стучащимся». Так будьте этим новым. Помните еще завет, данный в Лондоне: «Оставьте все предрассудки, мыслите свободно». Разве мыслящий свободно затруднится вопросом национальностей? Разве мы вправе закрыть врата света стучащимся? Разве новая Россия под управлением Учителя Нашего может препятствовать ищущим? Сейчас передо мной великий пример, что только забвением национальностей можно творить новое, общее дело.

Вы говорите против евреев, но зная, какую оболочку принял Христос, из кого он избрал Апостолов, разве в нас - в строителях будущего, может быть какое-либо сомнение, как действовать в еврейском вопросе? Широко откройте двери всем стучащимся, но берегитесь от предательства Нашего Учителя. В случае предательства разите мужественно. Наша поездка на Дальний Восток уже решена - все делается в положительные сроки. Даже и план будущей работы в России - сообщу его Вам тоже в указанное время. Вы спросите, как же явилась возможность ехать в дальний путь с семьей? Когда является поручение, тогда приходят и люди (посланные) и приносят средства. Я уже писал Вам, что в июне в Музее Метрополитен ко мне подошел высокий с проседью человек и передал очень важный для нас message - потом сказал: *good luck!* [удачи! (англ.)]. Ушёл - скрылся. В конце же июля к нам явились посланные и принесли все, что нужно. Так исполняется всё, что должно произойти, если оно направлено к Великому Служению. Если бы я мог сообщить Вам все, что делается на наших глазах — то вышла бы целая книга. И, родной мой, стремитесь из механической концентрации перейти в действие. Просите допустить

² По записям в дневнике Е.И. Рерих встреча в Музее Метрополитен произошла в мае 1922 г. (ред)

Вас к действию, ибо сейчас слишком много медитирующих, но слабо действующих. Любовь, красота и действие. Сейчас нам дано троекнижие:

1. Книга о власти — жертве.
2. Книга о радости.
3. Книга о молитве — подвиге.

Вероятно, эти книги войдут во вторую книгу издания. Рукопись первой книги пошлем Вам скоро. Этот список книги не для печати, а для Вас - для Ложи. Напечатаем сами книгу. Все еще не могу получить окончательную смету от Когана.

Посылаем Вам 16 долларов в счёт наших членских взносов. Будем рады, если покроете ими первые долги Ложи. Не понимаю, почему *Wool* скрыл, что он знаком со мной. Мы встретились в *Pacific Lodge* в *S. Francisco*.

Конечно, имя Минг - не мусульманское, а скорее китайское, ибо употреблялось далеко ранее мусульманства. Аллал-Минг был духовный Учитель Памира (Тибет). Передайте г-же Синевиц наш сердечный привет - если бы она могла войти в сношения с *Mrs. Adney* и *Miss Taffinder* - такие славные души.

У нас есть портрет Учителя, присланный нам по Указу Его, но если можно, пришлите и снимок с Ваших. Итак, родной наш, будьте новым и знайте, что предстоит большая работа в России (план её уже дан). Прочтите в Ложе анонс о *Corona Mundi* и о Школе - ведь это Его дела, Его действие.

Жена моя шлёт Вам лучший привет.

Сердечно Ваш

£

11 октября 1922.

Muster Institute of Un. Arts

Публикуется по изданию: Вестник Ариаварты. 2002. № 1.

13 октября 1922 г. Нью-Йорк
Письмо Е.И. Рерих к Рериху Ю.Н.

13 окт. 1922 г.

Родной мой Юханчик, вчера получили два твоих письма, в кот[орых] ты пишешь о встрече с М-ме Манциарли и о твоём видении. Очень радуемся, что она тебе понравилась, видимо, и ты произвёл на неё очень хорошее впечатление, ибо и от неё имеем письмо. О видении спросим и напишем.

Сейчас папа не совсем здоров, простудился и уже неделя, как сидит дома, но уже лучше себя чувствует.

Порасспроси Манциарли о *Aurobindo Ghosh'e* и сообщи нам, ведь мы его должны будем повидать! Ещё раз прошу тебя не уронить папино значение в глазах Манциарли. Еслиб ты видел, как здесь новые люди относятся к папе, как ловят каждое его слово, и правда, наш Пасик всё растёт и углубляется в мудрости.

Ты пишешь о том, что *Aug. G.* работает над объединением сознания своих учеников - это очень замечательно, ибо то же делается у нас. Мы и Лихт. замечаем, что одни и те же мысли приходят к нам на ум в одно и то же время, причём они часто дают нам ответы на посылаемые указания. Наша школа работает, но папе не позволено учить других учеников, кроме основателей дел, - им

папа преподаёт мудрость организации и ведения дел. Ученики способные и дело пойдёт. Хорши приятные души. Тонкие и с широким горизонтом.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке

14 октября 1922 г.³ Нью-Йорк.

Записи Н.К. Рериха:

КНИГА О МОЛИТВЕ-ПОДВИГЕ.

- Воин, неужели с копьем и с мечом ты вступишь в святилище Храма?
- Друг, я вышел на подвиг, как же покину доспех мой?
- Воин, Я сохраню твой доспех, на ступенях притвора.
- Друг, я пришёл посвятить моё достояние, как же оставлю его?

- Отец, испепели мою руку, если она поднялась за неправо дело.
- Отец, испепели мозг мой, если он змеится лживыми мыслями.
- Отец, порази всё моё явление, если оно ко злу направляется.
- Сын Мой, не поражу руку твою.
- Сын Мой, оставлю твой мозг, если ты в подвиге.
- Но, среди достижений, оставь время для молчания духа.
- В это время Я коснусь твоей сущности.
- Крупица Великого Молчания ведёт к познанию Служения.

- Отец, отныне я сокращу мои песнопения,
- И отрешу длинноты славословий.
- В подвиге будет молитва моя,
- И начну её молчанием.

Братья, во всех ваших началах запомните
время молчания.

В это время вас касается вестник Указа.

И поняв молитву и подвиг,

Осиянные красотой, крепко держа власть-жертву,
вы дойдёте до Храма.

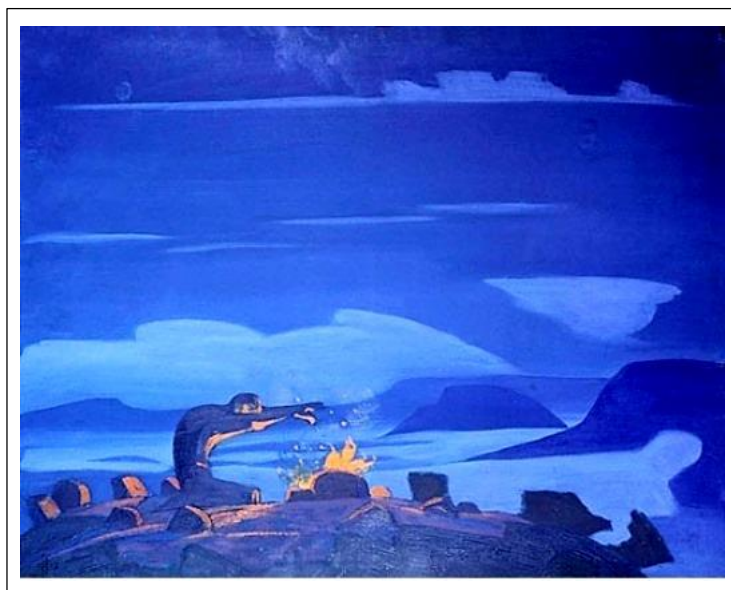
Конец троекнижию.

Публикуется по изданию: Записи Учения Живой Этики. Т. 2. М. 2008.

Из письма Е.И. Рерих к Ю.Н. Рериху от 17 октября 1922 г.:

В субботу [14 октября- ред.], во время нашего обычного собрания наш Пасик не писал, а говорил или, вернее, диктовал то, что проходило написанным перед его глазами. Это было первый раз, что он мог так видеть. Найдя время, спишу тебе все сообщения – они очень красивы.

³ 14 октября 1922 г. – день недели: суббота (ред).

Закливание огня. 1922.

17 октября 1922 г. Нью-Йорк

Письмо Е.И. Рерих к Рериху Ю.Н. (Продолжение письма от 13 октября 1922 г.)

17 окт.

Не грустно ли, что письмо, начатое 13-го, могу продолжать лишь 17-го. Устаю безумно, не имею ни минуты для себя. Похудела так, что всё старое не годится, надо ехать, иначе организм не выдержит. Учитель говорит, что тяготение настолько велико, что всё наше существо находится как бы под прессом.

Удивительные “совпадения” продолжают случаться на каждом шагу. Третьего дня Лихтман говорили нам о том, что нужно бы Хоршу дать понять, что М.М. стоит за Corona Mundi, ещё больше, нежели за школу и уже вчера пришло в школу письмо от Adney – привезу тебе его, оно произвело на них огромное впечатление.

В субботу, во время нашего обычного собрания наш пасик не писал, а говорил или, вернее, диктовал то, что проходило написанным перед его глазами. Это было первый раз, что он мог так ясно видеть. Найдя время, спишу тебе все сообщения – они очень красивы.

Нас очень интересует, как ты передал Книгу Манциарли. Поняла ли она значение этого? Сказал ли ты ей, чьи это сообщения, и вложил ли, передавая ей книгу, все устремления духа твоего на то, чтобы она почувствовала, чьи Слова ей вручаются! Aurob. Ghosh велик, но помни, что Учитель – *Старший Брат!*

Милый, милый Юханчик, как мучительно хочется мне передать тебе мою веру, мою любовь и моё устремление к исполнению возложенного поручения. Как оно прекрасно! и как огромно! Мы четверо – еле охватываем его!

Родной Мой, помни о своём значении! Не умаляй себя, *умаляя нас!* Не выкажи слабости, не поддавайся сомнению в *присутствии чужих!* Для них ты должен быть твёрд как алмаз! Самое маленькое дело не может быть успешно выполнено, если организатор его колеблется и сомневается на глазах участников. Ты живёшь среди свидетелей, помни это!

Всю тяготу вылей в письмах к нам, но больше *никому!!!* Одиночество наше растёт, ибо нам столько даётся!! Но скоро мы познаем источник и будем Учителя Ауру помнить, улыбаясь через капли росы грядущего Светлого дня.

Радость, радость, радость, работать для такой Великой цели, имея уже в руках возможность достижения *Главного Искания!!!*

Папа на днях едет в Чикаго, сегодня первый раз вышел на улицу. – Светик улучшается, хотя боюсь приезда Данилова, он переводится в N.York – преподав[ать]. в Columbia Un. на 250 долл. в мес. Посмотрим – я буду сражаться.

Как только пасик вернётся, перепишу тебе письмо Adney, а пока целую тебя, моего родного мальчика. По отъезде папы я буду несколько дней свободнее и напишу хорошее письмо М-ме Шклявер, а теперь шлю им всем наш сердечный привет.

Пиши, родной, подробнее о себе!!

Целуем.

Письмо Adney – от 10-го Ок.

Целуем ещё раз. Пиши, когда тебе понадобится увеличение капиталов.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

17 октября 1922 г. Париж.

Письмо Ю.Н. Рериха к родителям.

270, rue de Vaugirard

Paris, XV

17 окт. 1922.

Дорогие Папа и Мама!

Давно Вам не писал, но был так занят, так занят, что невозможно было улучшить минуты, чтобы послать Вам письмо.

Провожу время в бурной деятельности и всё время работаю для Мастера. На днях мы начали с И.В. Манциарли новый русский перевод Бхагават-Гиты. Работаем над ним усердно, почти каждый день. Работа эта меня очень радует, ибо с И.В. так легко и хорошо работать. Очень было бы славно, если папа сделал бы рисунки обложки. Печатать можно было бы у Шибаева в Риге. Надеюсь, что известия о нашей работе, Вас порадует.

Завтра утром уезжает в U.S.A. младшая дочь И.В. Она так полна уважения к папе, что очень важно поддержать это чувство в ней. Отнеситесь к ней очень тепло, ибо все они очень мило отнеслись ко мне здесь. У И.В. чувствую себя, как дома, ибо у них царит та же атмосфера, что и у нас. Я теперь ясно чувствую ту группу, через которую будет идти воля М.М.

В настоящую минуту мне так хотелось бы быть с Вами вместе, что трудно это даже выразить в письме. Мечтаю о Вашем приезде в Париж. Пишите подробно, что вы делаете.

На днях с И.В. предпримем шаги по делу Corona Mundi.

К несчастью, Голубев всё ещё не вернулся в Париж. Вчера познакомился с Каменской, которая с большим уважением говорила о Папе.

Были у кн. Тенишевой, где меня принимали как родного. Вас. <Алекс>. просил меня передать всем Вам его искренний привет. Но все они уже принадлежат к прошлому.

Много хожу по Парижу, по Лувру, и Guimet. Сколько тут красоты!

Пишите, что делает Света, письмо его я получил, но оно представляет как всегда трудности в чтении.

Поблагодарите Gim'a за милое письмо, товарища его ещё не видел, но скоро напишу ему.

Сейчас очень поздно, и нужно идти спать. Если увидите <Миму> Степановну, передайте мой привет, но не забудьте это сделать, ибо я забыл это сделать через её сестру.

Итак, пишите!

Крепко Вас всех обнимаю
Любящий Вас

ЮР

Шклявер просит передать привет и поздравления ко дню рождения Светы.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

18 октября 1922 г. Нью-Йорк
Письмо Н.К. Рериха А.И. Андреевой

Дорогая Анна Ильинишна.

Пошли Вам Господь новый год получше! Ваше письмо меня очень тронуло. Повторяю, если чем могу быть Вам полезен – всегда сделаю с особою радостью.

Теперь дела: 1. Денисовой передал. (Думаю, она пригодится ещё).

2. Насчёт франков просил Вальтера устроить. 3. О дневнике напомнил Милюкову и сказал, чтобы не стояли за цену. 4. Какое Шведское Издательство издаёт «Дневник Сатаны»?

Если Alb. Bonnier – будьте осторожны, о нём очень предупреждают. *И цена и сроки* всё должно быть запечатлено нотариально. У меня с ним, кажется, без суда не обойдётся.

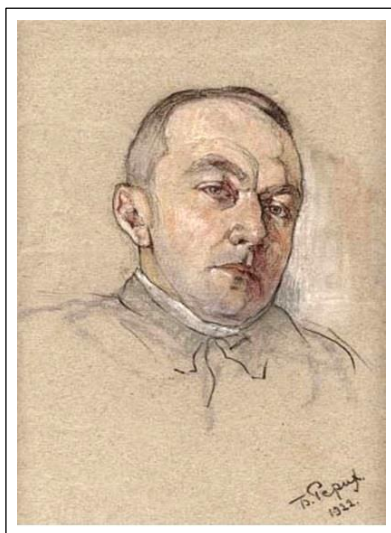
Вот Вы хвалите Анну Самойловну, и я её здесь хвалю *больше всех из друзей*, а она мне *ни на одно* письмо не ответила – разве это хорошо? И даже весть о сохранности нашей квартиры передала через Шклявера: ладно ли это? Так ей и скажите. Работаю. Готовлю выставку. Конечно, даже и среди местных деревяшек можно прожить, найти свою публику и средства, но ведь без России как же? Ведь я *русский* художник и могу путником пройти по миру, но огонёк дома должен гореть в России. А где она? И что с людьми – дичают, звереют!! Не знаете ли, что Рудневы, отчего не пишет Шейнин и что [с] Голенищевым-Кутузовым И.И. (Иванов знает его). Если что нужно, пишите всё. Жена (Елена Иван[овна]) шлёт привет.

Ваш Н. Рерих. 18.X.22.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 11, оп. 1, е/х 278

19 октября 1922 г. - Отъезд Н. Рериха в Чикаго.

Публикуется по изданию: Записи Учения Живой Этики. Т. 2. М. 2008.

Б.К. Рерих. Автопортрет. 1922.

22 октября 1922 г. Варшава

Письмо С. З. Бергман к Рериху Н.К.

Варшава, 21 октября 1922 г.

Глубокоуважаемый Николай Константинович!

Из последнего письма Бори Вы уже, наверное, знаете, что я в Варшаве. Боря остался пока в Киеве, а затем собирается в Петербург для ликвидации дел. Я переехала, главным образом, для того, чтобы легче снестись с Вами и получить деньги, которые немедленно отправлю Боре в Киев. Они ему необходимы для того, чтобы выехать в Петербург и ликвидировать свои семейные дела в Киеве. Поэтому я запросила Вас по телеграфу о высылке денег, т.к. сейчас его материальное положение более, чем скверно. Относительно его семейных дел постараюсь дать Вам подробные сведения. С Екатериной Дмитриевной он решил развестись, пока же он вынужден жить с ней в одной квартире, опять-таки из-за отсутствия средств. Отношения очень обострились и весьма возможно, что она откажет ему дать церковный развод; тогда мы решим повенчаться гражданским (большевистским) браком.

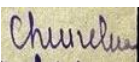
Напишите, достаточно ли это для Америки? В Польше такой брак не признан. Может быть в крайнем случае, возможно устроить нам приезд на разные фамилии, но, конечно, одновременно, т.к. Боря, вероятно, не захочет оставить меня одну. Что касается приезда Бори в Варшаву, то и этот вопрос осложняется, т.к. большевики не хотят его выпустить, да и Польша делает всякие затруднения. Я полька, вся моя семья в Варшаве, и, несмотря на это, мне пришлось ехать под чужой фамилией с чужими документами. Боре же это невозможно, т.к. его слишком знают. Главное, и у нас в России, и здесь, нужны деньги, деньги и деньги. Чем больше Вы их пришлёте, тем скорее всё можно устроить. Деньги же, вырученные Борей в Питере за Ваши и его вещи, пойдут на покупку вещей для Cogona Mundi, а пока всё нужно употребить для того, чтобы двинуться самому и двигать дело. Предполагаю пробыть в Варшаве от 4 до 6 недель, а потом вернуться в Киев, чтобы устроить наши брачные дела.

Здесь побываю у Американского консула и поговорю с ним. Может быть можно будет вызвать Борю из Киева. Вся задержка в разводе, если бы можно

было это дело как-нибудь уладить! Борб очень нужно вырвать из Киева, он очень удручён, а это так скверно отражается на работе! Вообще, он неважно себя чувствует. Я надеюсь, что Ваши письма подбодрят его и придадут больше сил и энергии. Это так нужно!

Напишите, кула и на сколько времени Вы едете? Мы так много говорим с Борей о Вас и Вашей семье, и всё же мне не верится, что я пишу такому большому человеку, как Вы. Даже немного страшно.

Жду ответа, если узнаю что-нибудь, то сообщу. Присылайте снимки, статьи и книги. Для нас это большая радость.

Адрес тот же 8, кв. 8.
Шлю привет Вам и Вашим. Искренно уважающая Вас

София Зигизмундовна Бергман

Архив Музея Рерихов, Москва.

**22 Октября 1922 г. Чикаго.
Письмо Н.К. Рериха к Рериху Ю.Н.**

THE BLACKSTONE
South Michigan Avenue & East 7-th St.

CHICAGO 22 окт. 1922

Родной мой Юрик, сейчас мама сообщила мне Твоё письмо. Как я счастлив, что сознание Твоё объединяется с моим. Ведь в этом одном уже заключена великая сила. А сколько чудесных дел на Благо творить мы можем в этом единении. Сегодня говорил о Тебе Лауферу. Он Тебя помнит и, видимо, ценит. Будь добр, пришли мне Каменный век русский – я обещал Лауферу отдать его в Музей на обмен.

Сейчас я 4 дня в Чикаго по делам оперы и росписи одного ресторана – театра. Сколько кругом чудесного. Вчера доктор Debeу, рассматривая мой гороскоп говорит: «Через 9 или 10 лет – какое замечательное совпадение планет. Да Вы - Моисей на вершине горы! А через 6 лет что-то *miracoulos⁴*». Ведь она наших сроков не знает.

Как рад я Твоим беседам с Манциарли – мой привет ей. Что Морис Дени? Что Тенишева?

Боря пишет – трудно выехать! Ждём его нетерпеливо. А там и к Тебе прикатим. Целую крепко,

НР

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

⁴ Сверхъестественное (анг.) – ред.

23 октября 1922 г. Париж.
Письмо Ю.Н. Рериха к родителям.

270, rue de Vaugirard / Paris, XV
23-го окт. 1922.

Дорогие Папа и Мама!

Вчера получил Ваше письмо от 10-го с. м. Продолжаю работать весьма усиленно. Перевели с Ирмой Владимировной первую песнь Бхагавад-Гиты.

Сегодня весь after noon были разговоры о Corona Mundi. Трудность заключается в том, что в артистических кругах Парижа замечается большая рознь. Словом, порядочная везде плесень. Голубев всё ещё в Marsielle, ибо собирается там жениться во второй раз на 18-ти летней девице. В среду утром буду говорить с М. Hackin, conservateur de Musik Guimet; он большой поклонник искусства Папы, и я думаю, что с ним можно будет переговорить об обмене коллекций.

В Bulletin de l'ordre de l'Estoile d'orient за октябрь появилась статья И[рмы] Влад. о Master school. Достану по мере, и перешлю Вам. С И.В. у меня самая усиленная кооперация. Видимся почти каждый день. Говорим о существующей духовной группе, о будущей работе в России, и т.д. Замечательно то, что у нас одинаковые мысли.

Одна из дочерей И.В., Маркелла Степановна, является очень крупным композитором. Её вещи очень интересны, а главное имеют то оккультное нечто, что так сильно замечается в Скрябине. В моих восточных работах всё идёт по-старому, работаю над китайским и тибетским. Кстати, И. Вл. предложила мне проехать с ними вместе, к её сыну на юг Франции. Я, конечно, согласился, ибо это будет хороший случай повидать Пиренеи. Для этого мне нужна будет денежная подмога - \$100 - 150. Если не трудно, то пришлите. Заказал для себя пальто, а то становится очень холодно. Что Света и Jim?

Целую Вас крепко

Часто о Вас думаю

ЮР

Что делает с картинами Wiren? Каталог Salon d'Automne выйдет в ноябре.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке

24 октября 1922 г.

Н. Рерих вернулся из Чикаго.

Явление русских городов в Чикаго.

Публикуется по изданию: Записи Живой Этики. Т. 2. М. 2008.

Н.К. Рерих.

КАМЕННЫЙ ВЕК

Здесь кончается металлическая «штамповка» жизни. Здесь кончаются национальность и условности политической экономии; здесь кончается роль толпы. И только искусство, стоящее вне этого, не кончается. Отчётливо выступает новый человек. Он смотрит на нас из каменного века. Радость искусства несёт свои волны через все эпохи. Порой пучины

между волнами очень глубоки, но тем выше поднимались гребни: так высоко, что мы можем и сейчас различить их.

Пусть некоторые люди смотрят искоса на «затемнённую» археологию и отрезают её от искусства. Можно извинить даже самоотверженного любителя за невольный трепет при касании к каменному веку: тот век так далёк от нашего понимания жизни, что очень трудно уловить его реальности, так же, как трудно изучать глубины небесного свода невооружённым глазом.

Человечество знало радость искусства, и мы ещё можем найти эти следы. Забудем на время о блеске металла. Вспомним все чудесные оттенки камня, благородные тона драгоценных мехов, естественную структуру дерева, желтеющий камыш и тростник, и красоту крепкого тела пещерного человека. Будем помнить об этом всё время, пока пытаемся проникнуться атмосферой тех дней. Уловим ли мы проблески и отголоски той жизни? Или только возможно пока установить точку зрения на такую непомерную древность?

Предание мордовских племён повествует:

«Богиня Анге-патой в гневе раздробила кремень о скалу. В блестящих искрах создались боги земли и воды, лесов и жилищ. Кончила дело своё Анге-патой и бросила наземь кремень, но и он стал богом: ведь она не отняла от кремня творящую силу. Стал кремень богом приплода, и на дворе или под порогом дома маленькая ямка прикрыта кремниевым божком».

Сравним эту красивую легенду с преданием Мексики:

«На небе мексиканском был некогда бог Цитлал Тонак, звезда сияющая и богиня Цитлал-Куэ, она, что в рубаше звёздной. Эта звёздная богиня родила странное существо — кремниевый нож. Другие их дети, поражённые этим странным порождением, сошвырнули его с неба. Кремнёвый нож упал, разбился на мелкие кусочки, и среди искр возникли тысяча шестьсот богов и богинь».

Космогония эрзи не хуже замыслов мексиканских.

«Каменным ножом зарежешь барана» — заповедает жертвенный ритуал *воти*.

«Громовая стрелка боль облегчает, в родах помогает» — такое поверье живёт среди простодушных русских знахарей.

«Великаны в лесу камень хоронили» — помнят потомки *еми* и *веси*.

Много преданий и легенд!

В каждом племени и сегодня живёт таинственная основа «каменного века». Обычаи и верования вместе с трудно-чёткими рунами орнамента толкуют всё о том же «доисторическом времени».

Называем его «доисторическим», хотя оно стоит вовсе не особняком. Наоборот, оно плотно вплетается в страницы нашей истории. Где границы жизни без металлов?

Мы, русские, привыкли искать начала нашего искусства где-то далеко. Мы обращаемся к Индии, Монголии, Китаю или к Скандинавии, или к гротескной фантазии финской. Но, кроме впечатлений, оставленных позднейшими культурами, у нас, как у всякого народа, есть ещё один общечеловеческий путь — к самым древним иероглифам, объясняющим человеческую любовь к красоте: путь через откровения каменного века.

Предскажем, что в поисках лучшей жизни человечество не раз вспомнит о свободном человеке древности: он был близок природе, жил с ней душа в душу, знал красоты её. Он знал то, чего мы не ведаем уже давно.

Цельны движения древнего, строго целесообразны его думы, остро чувство меры и стремления к украшению. Понимать каменный век как дику некультурность будет ошибкою неосведомлённости. В дошедших до нас страницах времени камня нет звериной примитивности. В них чувствуем особую, слишком далёкую от нас культуру. Настолько далёкую, что с трудом удаётся мыслить о ней иным путём, кроме уже избитой дороги — сравнения с дикарями.

Современные вымирающие дикари-инородцы с их кремнёвыми копьями так же похожи на человека каменного века, как идиот похож на мудреца, — это только дегенераты. Несколько расовых черт — единственная связь между ними. Человек каменного века родил начала всех блестящих культур, он мог сделать это, в то время как дикарь наших дней утратил всякую власть над природой, а вместе с ней и чувство прекрасного.

Выживание, борьба, заблуждения в собственном страхе создали путаницу в человеке; и чтобы увидеть новые открытые пути, нужно воскресить те, с которых мы начали.

Только очень недавно поняли: проходные залы музеев, заполненные пыльным старым металлом, не есть лишь тёмное пятно генеалогии нашего искусства, но является его ярчайшим источником. Он есть первейший источник лучших заключений. Мера почтения к нему такова же, как мера удивления перед тайной жизни десятков тысячелетий.

Площади богатых огромных городов донесли до нас кучу шлаков, несколько обломков бронзы и груды камней, но это не вводит нас в заблуждение. В печальных остатках мы видим усмешку судьбы. Также и жизнь каменного века — не в тех случайных кремниевых осколках, которые сохранились на земле.

Особенная тайна окружает следы каменного века. Ничто иное, но каменные остатки всегда и даже до сих пор относятся к небесному происхождению. Многие боги металы находимые в земле копыя и стрелы!

Не только классический мир не сумел отгадать настоящее происхождение каменных орудий, но и во все средние века происхождение их оставалось маловыясненным. Только в новейшее время, в конце XVIII века, немногие учёные узнали истинное происхождение древнейших изделий. Утверждения были скудны, шатки, малоубедительны. Собственно безусловного в постановке дела немного установилось и до сих пор. Из груды относительных суждений почти невозможно выделить те, которым бы не угрожала переоценка. Это не удивительно, ибо если расстояние одного тысячелетия уже колеблет уверенность в одном, даже двух веках, то что же сказать про десятки таких эпох? Даже ледниковый период в некоторых теориях остроумно заменяется внезапной космической катастрофой!

Вспомним, что все названия древнейших периодов приняты лишь вполне условно, по месту первого случайного нахождения предметов. Можно представить, сколько неожиданностей хранит ещё в себе земля, и какие научные перемещения могут возникнуть.

Прочие эпохи полны потрясающими примерами. Научные постройки в пределах древнего камня опасны. Здесь возможны только наблюдения художественные. Исследования красоты древней жизни не могут помешать научным изысканиям, которые последуют в будущем.

Странно подумать, что, быть может, именно заветы каменного царства стоят ближе всего к современному поиску красоты. Поворот культуры возвращает нас вновь к тому, что было понятно человеку древнейшему: я имею в виду — стремление к гармонии. Искания нашего искусства, полные боли, очень напоминают заботы древнего из всего окружающего сделать что-то обдуманное и гармоничное, украшенное любовным прикосновением.

По отдельным осколкам доходим до общего. Отлично сработанный наконечник копья говорит о прекрасном древке. То же относится к любому инструменту или оружию. Отпечатки шнуров и сетей очень убедительны. Всё свидетельствует о том, что в обиходе пещерного человека присутствовал известный порядок удобства и красоты. Радостью жизни веет из каменного века. Не голодные, жадные волки последующих времён, но царь лесов — медведь, бережливый в семействе, довольный обилием пищи, могучий и добродушный, быстрый и тяжёлый, свирепый и благостный, достигающий и уступчивый, - таков тип человека каменного века.

Многие народы чтут в медведе человеческого оборотня. Он окружён особым культом. В этом звере оценили народы черты первой человеческой жизни. Древний человек одножён по своей природе. Ради труда и роста семьи только снисходит он до многожёнства. Он ценит детей - продолжателей его творческой жизни. Он живёт сам по себе, ради себя творит и украшает. Мена, щегольство и боязнь одиночества появляются уже в более поздние времена. Общинные начала проникают в быт лишь в неизбежных, свободных действиях, например, во время охоты и рыбной ловли.

Остатки двух первичных эпох (как это представлено геологами) - окаменелые кости их страшных обитателей - составляют огромный скелет сказочного для нас мира; он так же близок душе художника, как и изделия рук человека. Минуем третичный плиоцен с его таинственным предшественником человека. Царство догадок и измышлений! Царапины на костях и удары на кремневых осколках далеки от художественных обсуждений. Доледниковые эпохи - шельская, ашельская, мустьерская уже близки искусству. Человек уже стал царём природы. В чудесных единоборствах меряется он с чудовищами. Уверенными ударами высекает он первое своё орудие - клин, заострённый с двух сторон. Мамонты, носороги, слоны, медведи, гигантские олени несут человеку свои шкуры.

Он оставляет своё жилище-пещеру льву и медведю; он смело соседствует с теми, от кого в более поздние времена он защищался уже сваями. Приходит на ум ещё одна победа — приручение животных. Весёлое время! Время бесчисленных побед.

Затем мы видим человека, движимого инстинктами гармонии и ритма. В двух последних эпохах палеолита (солютрейской и мадленской) посредством искусства он совершенствует жилище своё и весь свой обиход. Всё наиболее замечательное в жизни одинокого творца принадлежит этому времени.

Множество оленей доставило новый отличный рабочий материал. Из рога оленя человек изготавливает стрелы, иглы, привески, ручки и другие предметы. Первая скульптура из кости и первые украшения относятся к тому же периоду, а также и знаменитая женская фигурка из кости: каменная Венера Брасемпуи.

Венера из Брасемпуи (Франция).

Пещеры носят следы разнообразных украшений. Плафоны разрисованы изображениями животных, и совершенно очевидно, что художники тех дней обладали острой наблюдательностью и могли с точностью передать движение. Гармоничная лёгкость и свобода линий приближает их к лучшим рисункам Японии.

Пещеры юга с древнейшей попыткой живописи минеральными красками, с необычайно сложными плафонами свидетельствуют об истинном художественном вкусе древнего человека. Чувствуется, что пещеры должны были освещаться подвесными светильниками. Найденные поделки восходят на степень ювелирности: замечательные иглы, недоуздки для оленей, орнаменты, составленные из просверленных морских раковин и зубов животных.

Конечно, мена естественными продуктами постепенно изощряет результаты творчества человека.

Между временем палеолита и неолита часто ощущается что-то неведомое. Влияли ли космические условия, сменялись ли неведомые племена, завершала ли свой круг известная многовековая культура, но в жизни народа выступили новые основания. Очарование одиночества кончилось, люди познали прелесть общности. Интересы творчества делаются разнообразнее; богатства духовной крепости, накопленные одинокими предшественниками, ведут к новым достижениям. Новые препятствия отбрасываются новыми средствами; среди черепов многие оказываются раздробленными ударами тяжёлых орудий. Так вступил в борьбу жизни человек делювианского (четвертичного) периода. Неолит.

Палеолит в России пока не дал чего-нибудь необычного. Неолит же русский изобилует и богатством своим, и разнообразием предметов искусства. В русском неолите находим все лучшие типы орудий.

Балтийские янтари, находимые у нас с кремнёвыми вещами, не моложе 2000 лет до Р. Х. Площадки богатого таинственного культа в Киевской губернии, где находятся и полированные орудия, по женским статуэткам обращают нас к Астарте Малоазийской XVI и XVII века до Р. Х.

При Марафоне некоторые отряды ещё стреляли кремнёвыми стрелами! Так переплетались культуры.

Русский неолит дал груды орудий и обломков гончарства на берегах рек и озёр. С трепетом перебирая звонко звенящие осколки и складывая разбитые

узоры сосудов, изумляешься силе воображения, заключённой в них. Особо заметим осколки гончарства. Тот же орнамент богато украшал и одежду, и тело, и разные части деревянных построек, всё то, что время истребило.

Те же орнаменты вошли в эпохи металла. Смотря на родные узоры, вспомним о первобытной древности. Так, например, в центральной России мы знаем мотивы стилизованных оленей; не к подражанию северу, а к древнему распространению оленя, кости которого в изобилии находим с кремнями, ведёт этот узор.

На гончарной бусе каменного века найдено изображение змеи, подобное тому, что на предметах древнейшей микенской культуры.

Все доводы против врождённого инстинкта не могут противостоять фактам: разве не поразительно, что сущность украшений одинакова у людей и племён, разъединённых временем и пространством?

Проблема происхождения орнамента ведёт нас в любом случае к примитивному прикосновению примитивного человека. Две основы орнамента — ямка и черта. Из хрупкой глины лепит древний человек огромные котлы с круглым дном; те же руки дают крошечную чашечку, полную тонких узоров, инстинктивно применяя всё окружающее: пальцы, ногти, перья, белемниты, верёвки, плетенья. Всякий стремится сделать свои сосуды более ценными и красивыми.

Поражаешься изобретательности, с которой древний человек покрывал поверхность котла крошечными ямочками или переплетающимися узорами. Можно понять волнение художника, когда он впервые додумался применить шнуры, плетения, даже ткань одежды своей, чтобы запечатлеть их узоры на мягкой поверхности глины. Но и этого ему было недостаточно, он находит растительные краски и вдохновенно использует их. Можно представить себе, сколько стремлений древнего разрушено временем, стёрто землёй, смыто водами. Та же самая палитра красных, чёрных, серых и жёлтых тонов цветилась и на одежде, и на волосах, может быть, даже на его теле. Живым укором для нас является искреннее стремление древнего украшать свой обиход. Невозможно даже сравнить современное стремление к искусству с тем, чем оно было для обитателей тех же мест тысячи и тысячи лет назад.

Многие, кто видел каменные изделия только за стеклянными витринами музеев, с трудом могут избежать предубеждения против их красоты. К любым прекрасным вещам приложите каменное орудие — и оно не нарушит общего впечатления. Оно принесёт с собою ноту покоя и благородства.

Если хотите прикоснуться к душе камня — найдите его сами. Сначала можете и не знать, что вам повезло, но, перевёртывая его в руках, вдруг попадаете пальцами во все продуманные впадины, и из-под седины налётов неожиданно замечаете прекрасную, с любовью выполненную работу и чудесный тон яшмы и тёмно-зеленого жадеита.

Набор орудий древнего человека обширнее, чем предполагается. Русский неолит вполне подтверждает это. Среди его находок встречается множество сложных предметов, назначение которых до сих пор является загадкой для нашего воображения. Особенно радует, что это не есть только «домашнее» восхищение. На последнем доисторическом конгрессе 1905 г. в Периге лучшие знатоки-французы: Мортилье, Ривьер-де-Прекур, Картальяк и Капитан — приветствовали образцы русского неолита восторженными отзывами, поставив его наряду с лучшими классическими поделками Египта.

Можем ли представить себе жилище древнего? Нет пока ответа на этот вопрос.

Но следует помнить, что и после обширного дома иногда остаётся только груда печного кирпича.

Остатки свайных жилищ указывают на развитую хозяйственность. И в России были свайные постройки. Идея сваи, идея искусственного изолирования жилья над землёю у славян существует издавна. Много веков прожили сибирские и уральские «сайвы» — домики на столбах, где охотники скрывают шкуры. В меновой древнейшей торговле такие склады играли большую роль. Наш первый летописец Нестор упоминал о погребениях «на столбах при путях» — избы смерти славянской старины, сказочные избушки на курьих ножках — всё это вращается около идеи свайной постройки. Многочисленные острова на озёрах и реках, конечно, только упрощали устройство изолированных деревень.

В последний раз обернёмся на пространство жизни в далёком каменном веке.

Озеро. При устье реки стоит ряд домов. По утончённой изукрашенности домики не напоминают ли вам жилища Японии, Индии? Прекрасными тонами переливаются жилища, кремни, меха, плетенье, сосуды, темноватое тело. Крыши с высоким «дымом» покрыты желтеющими тростниками, шкурами, мехами, переплетены какими-то изумительными плетеньями. Верхи закреплены деревянными резанными узором пластинами. Память о лучших охотах воткнута на края крыш. Неизменный ослепительно-белый лошадиный череп бережёт от дурного глаза. Стены домов расписаны орнаментом в жёлтых, красных, белых и чёрных тонах. Очаги внутри и снаружи: над очагами сосуды, прекрасные узорчатые сосуды, коричневые и серо-чёрные. На берегу — челны и сети. Сети сплетали долго и тонко. На сушильнях шкуры: медведи, волки, рыси, лисицы, бобры, соболя, горностаи...

Праздник. Пусть будет это тот праздник, которым всегда праздновали победу весеннего солнца. Когда надолго выходили в леса, любовались цветом деревьев, когда из первых трав делали пахучие венки и украшали ими свои головы. Когда плясали быстрые пляски. Когда играли в костяные и деревянные рожки-дудки. В толпе мешались одежды, полные пушных оторочек и плетешек цветных. Переступала красиво убранная плетёная и шкурная обувь. В хороводах мелькали янтарные привески, нашивки, каменные бусы и белые талисманы зубов.

Люди радовались. Среди них начиналось искусство. Они пели, и песни их были слышны за озером и за лесом.

Огромные жёлтые костры в сумерках выглядели точно живые существа. Около них двигались фигуры людей — быстрые или задумчивые, но полные признательности жизни.

Воды огромного озера, бурные днём, делались тихими и лилово-стальными. И в ночном празднике быстро носились по озеру силуэты челнов.

Ещё недавно вымирающие якуты, костенеющим языком своим, пели о весеннем празднике, вот его литературный перевод.

«Эгяй! Сочно-зелёный холм! Зной весенний взыграл! Берёзовый лист развернулся! Шелковистая хвоя зазеленела! Трава в ложбине густеет! Весёлая очередь игр, веселья пора!»

«Закуковала кукушка! Горлица заворковала, орёл заклёкчал, взлетел жаворонок! Гуси полетели попарно! У кого пёстрые перья - те возвратились; у кого чубы тычинами - те стали в кучу!»

«Те, для кого базаром служит густой лес! Городом - сухой лес! Улицей - вода! Князем - дятел! Старшиною - дрозд! Все громкую речь заведите! Верните молодость, пойте без устали!»

Н.К. Перух. Adamant. New York: Corona Mundi. 1922 г.

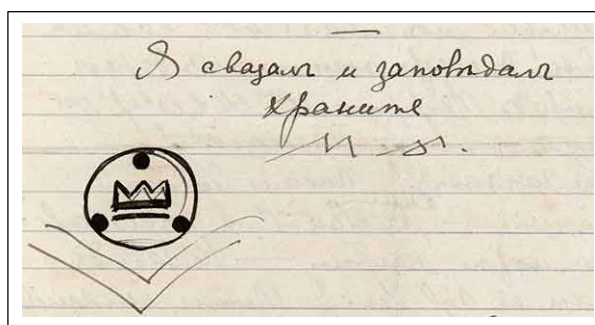
24 октября 1922г. Нью-Йорк

Письмо Е.И. Перух к Юрию. (1-ый лист отсутствует)

А главное читайте и повторяйте,
что часто оболочка ваша затемняет знание духа.

И глядя на сужденный пожар вы скажете:
вот почему вчера я вынес вещи мои.
И глядя на молнию, вы преклоните голову,
почитая Веление Бога –

Я связал и заповедал
Храните

В следующий раз спишу Книгу о Радости –

Радуюсь, что тебе, видимо, понравилась Ирма Вл., мне кажется, что она будет большим нашим другом, если возможно порасспроси её побольше о А.Г. Где он сейчас, как живёт? Много ли учеников? Видалась ли она с Richard и т.д. Что она знает о Велик. Братьях Бел. Ложи –

Её мнение о Безант и <...>

Кланяйся ей от нас –

Всё это так интересно, так близко нам –

Что говорила о Тагоре: какой ты счастливый, что можешь об этом с ней говорить!! Ведь мы здесь лишь даём, взамен получаем любовь, но мне хотелось бы получать знания или подтверждение своему знанию, ибо нам так много сказано, надо лишь разобраться –

Милый, милый мой мальчик, как мы счастливы! В ноябре вышлю тебе денег – купи что-нибудь Жоржу и М-ме Шклявер от меня. Видал ли ты Тенешеву? как твои занятия? Писал ли тебе папа относительно книги китайских посольств – Тундао можно найти – Не забудь –

Виделся ли с <Syl. Zeni>? Пиши, не ленись. Как климат? чувствуешь ли ты себя сильнее в Европе? Климат N.Y. меня убивает, больше года выдержать нельзя – мудро, что мы скоро уезжаем –

Вчера у нас была гроза – всё ещё тепло – мечтаю о зиме, холоде.

Светка становится лучше, но его пора отсюда увозить. Hull к сожалению, оказался полным ничтожеством ни холоден, ни горяч – ну целую тебя, моего дорогого любимого мальчика.

Мама.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

28 октября 1922 г.

Продиктовано] Н.Р. виденное духовным зрением

Да, да, да!
Я призвал вас.
Я назвал вас своими.
И на поясе звенят ключи дверей доверия.
Но сколько людей подходило к этим дверям,
и даже пробовали ключ повернуть,
Но не знали как дверь отворить.
И упущенное – не повторится.

Когда подойдете к затвору,
Не зовите старых прохожих.
Не окликайте вновь оказавших невежество.
Вам на каждом перекрестке приготовлены новые.
И каждый камень постройки несёт Мой знак вам.
И когда войдете и приступите к башне,
Измерите её основание и очертите скалу под нею,
Ибо с этой башни увидите далее, вы, строители!

Я говорю коротко, чтобы изучили,
И запомнили, запомнили, запомнили сказанное вам Мною.
Я сказал.

Публикуется по изданию: Записи Учения Живой Этики. Т. 2. М. 2008.

29 октября 1922 г.

Из дневника З.Г. Фосдик.

«Вечером в Школе был приём. Поставили пьесу Тагора “Махарани Арагана”. Потом давали пунш и пирожные. Пришло свыше трёхсот человек. Было чудно, всем очень понравилось, и был большой успех. Школа блестяще растёт, уже больше семидесяти учеников».

30 октября 1922 г. Нью-Йорк.
Письмо Н.К. Рериха к Ю.Н. Рериху

30 окт.

Родной мой Юрик, опять радовались Твоему письму. Радовались, как Тебе видно, что Тенишева – это прошлое, а есть группа людей, за которыми будущее.

Конечно, примем Io как родную, но ей придётся обжиться здесь – ведь Ты знаешь, что в Америке всё не сразу приходит. Но если у неё хватит настойчивости, то и класс составится, и новые люди найдутся.

В Школе уже 75 платных учеников и 24 профессора. Конечно, безмерно большее будущее имеет Corona Mundi. Как только получу Кам. век от Тебя, я передам его Лауферу. Он сразу охватил все возможности Corona Mundi. И мы тоже стремимся скорей увидеть Тебя и Твоя работа над Bhagavat Git'ой нас радует. Конечно, обложку можно сделать, но печатать лучше в Берлине у Гессена или у Когана, ибо печатни в Риге очень слабы. Ты уже знаешь эпизод, что 16 сент. Учитель дал письмо Шибаету, а 26 сент. мы получили от Шибаета вопросы на наши уже посланные разъяснения.

Вчера в Школе был reception – пришло около 400 человек – была давка. Всё растёт и толпится. Последние дни у мамы болит глаз – что-то попало в него. Это так раздражает. Сегодня она принялась за перевод книги, но глазу от словарей стало хуже.

Посылаю Тебе билет reception'a – обрати внимание, Master Inst. presents Union – East and West! Das Gupta сказал речь, где неожиданно указал, что сюда он пришёл лишь по зову "World famous artista" – т.е. меня – друга Тагора и пр. Что за человек Каменская? Она – будущее или прошедшее?

Юрик, мой родной Юрик, только подумай, что за праздник труда наша жизни?! И что за возможности кругом! И теперь Ты понимаешь, почему вчетвером мы сильны. На общих сеансах я не пишу больше, а читаю, что вижу: крупные буквы (рукописные) по блестящему, золотистому фону. А что Ты скажешь о гороскопе? За эти месяцы я напишу серию древн[их] русск[их] городов.

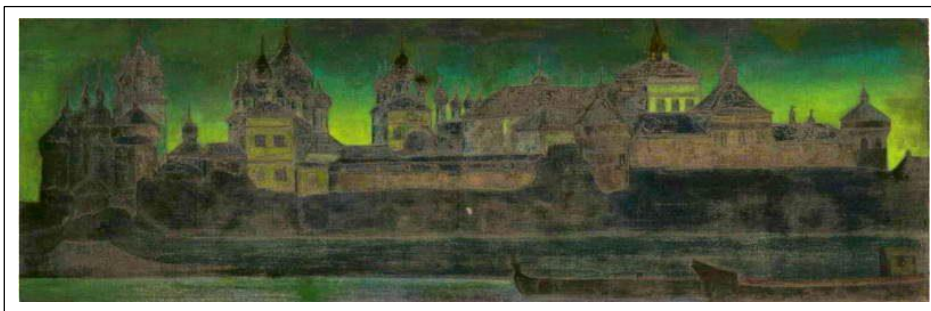
Целуем Тебя

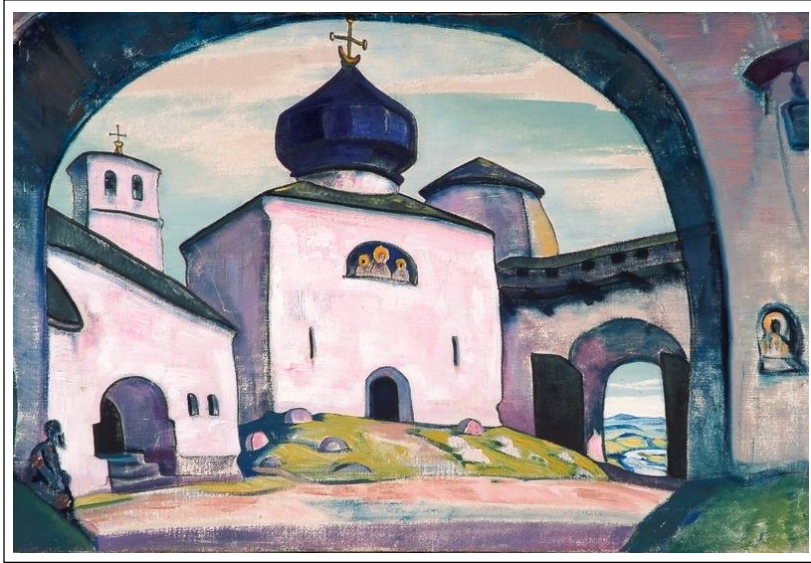
Привет Манциралаи.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке

«За эти месяцы я напишу серию древн[их] русск[их] городов...»

Н.К. Рерих. Ростовский кремль. 1922 г.

Н.К. Рерих. Старый Псков. 1922.

**30 октября 1922 г. Париж.
Письмо Ю.Н. Рериха к родителям.**

270, rue de Vaugirard / Paris, XV
30-го окт. 1922.

Дорогие Папа и Мама!

Многое Вам нужно передать. Творятся удивительные вещи, и рука направляющая Учителя видна во всём.

Сегодня получил Ваше письмо от 17 окт. Сильно меня беспокоит усталость Мама. Неужели нельзя уединиться более?

“Corona Mundi”, видимо, здесь скоро устроится. Обо всём Вам напишет Ирма Владимировна. Нам необходимы проспекты Corona Mundi, которых я ещё не получил. Поражаюсь, сколько у Папы здесь поклонников.

Советую отнестись очень тепло к Иоланте Степановне, ибо это сильно подымет наш авторитет. Они так много от Вас ждут. И.В. всё мечтает о своём свидании с Вами в New-York'e. Я бываю на rue La Fontaine каждый день. Мило работаем над Гитой. Начали также очень успешно писать автоматически. Были даны замечательные указания И.В. и Маре Степановне (одной из дочерей И.В., о которой я Вам писал).

Через автомат. письмо Учитель постоянно проводит свою идею. На этих собраниях папино присутствие постоянно чувствуется. И.В. видит папу в видениях. Словом, повторяется, что и у Вас. Я Вам писал, что на Рождество собираюсь ехать с И.В. на юг Франции к её сыну. Это будет мне необходимо для отдыха.

К M. Denis ещё не заходил, ибо он страшно узкий католик. Голубев всё ещё в Marseille.

Моя учёная слава всё здесь растёт. Сегодня хранитель Музея Guimet просил меня заняться каталогированием материалов по Средней Азии в Музее. По

утрам я работаю в библиотеке Музея. Я получил доступ в библиотеку, когда она закрыта для других. Словом, отношение прекрасное. Много работаю над китайским языком и делаю успехи.

Здесь познакомился с Елисеевым, нашим известным Японистом. Мы уже сделались большими друзьями, а главное, что он не сухой учёный, а человек, открытый к искусству и новым идеям. Такие учёные очень ценны.

Узнайте, где можно поместить статью о Средней Азии в Америке. Хотелось бы заработать, хотя бы немного.

Редактор "La Vie des peuples" просил написать статью о русском искусстве. Хочет ли писать Папа, или это нужно написать мне? Напишите. Словом, работы очень много. Зима эта без пользы не пройдёт. Теперь только чувствую, как необходимы востоковеды.

Должен Вам также сказать, что Ирма Владимировна глубоко видит, что Папе всё открыто, и что Папа всё знает. Я, конечно, соответствующим образом это поддерживаю в ней. Сами увидите, если это мне удалось.

Прошу выслать мне \$ 200, если можно. Пришлось заказать пальто, и необходим ещё один костюм и рубашки. Всё это, конечно, деньги стоят, тем более, что мне часто приходится бывать в "свете".

Часто думаю о моём былом уединении. О тех часах, проведённых вместе с моими книгами, (которые остаются моими лучшими друзьями) в Гарварде. Здесь этого уединения нет, ибо, несмотря на прекрасное отношение, я живу в чужой семье, чья аура мне совсем не подходит. Но что делать!

Мечтаю, когда можно будет затвориться на Востоке. Я хочу там первый год провести совершенно один и изучить моё мировоззрение, которое сам я ещё мало знаю.

Беда в том, что я делаюсь абсолютно каменным, и ни какие переживания не могут разрушить и поколебать моего внутреннего спокойствия; эту сильную сдержанность стали даже замечать и Манциарли, но, видимо, так нужно.

Жду очень Ваших писем!

Нельзя ли узнать, где находится в Америке гвардии подпоручик Ник. Ив. Лосев.

Крепко целую

ЮР

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

Н.К. Рерих.

АДАМАНТ

К священным сознаниям народов в наши дни особо повелительно прибавляется лозунг: искусство и знание. Об особом значении этих великих понятий для нашего и для будущего времени надо сказать именно сейчас.

Обращаюсь к тем, чьи глаза и уши ещё не засорены мусором обихода, чьи сердца ещё не остановлены рычагом машины «механической цивилизации».

Искусство и знание. Красота и мудрость. О вечном и обновлённом значении этих понятий говорить не надо. Ещё только вступая на жизненный путь,

ребёнок уже инстинктивно понимает всю ценность украшения и познания. И лишь впоследствии, под гримасой обезображенной жизни, эта молитва духа затемняется, а в царстве пошлости она даже кажется или несвоевременной, или уже ненужной. Да, современность доходит даже до такой чудовищности.

Много раз мне приходилось стучаться в эти врата. И вновь обращаюсь к вам:

«Среди ужасов, среди борьбы, среди столкновений народных масс сейчас более всего на очереди вопрос знания, вопрос искусства». Не удивляйтесь. Это не преувеличение, не общее место. Это решительное утверждение.

Вопрос относительности человеческих знаний всегда был больным вопросом. Но теперь, когда всё человечество прямо или косвенно испытало ужасы войны, этот вопрос стал насущным. Люди привыкли не только думать, но и бесстыдно говорить о предметах, которые они явно не знают.

Самые «почтенные» люди болезненно повторяют мнения, ни на чём не основанные. И такие суждения вносят в жизнь великий вред. Часто неизгладимый.

Надо признать, что за последние годы европейская культура была потрясена до основания. В погоне за вещами, овладение которыми ещё не суждено человечеству, главные ступени восхождения были нарушены. Люди пытались завладеть сокровищем, которого не были достойны, и порвали священное покрывало богини счастья.

Конечно, то, чего ещё не достигло теперь человечество, - ему суждено получить в надлежащее время, но столько ещё придётся страдать человеку, искупать вину за разрушение запретных врат! Каким трудом и самоотверженностью придётся строить основы культуры!

Знания, затворённые в хранилищах и заключённые в умах учителей, опять мало проникают в жизнь. Опять не рождают действенных подвигов созидания.

Жизнь наполнена ещё скотскими велениями брюха. Мы приблизились к черте страшного заколдованного круга. Заклясть его тёмных хранителей, вырваться из него можно только талисманом истинного знания и красоты. И пришло время этого исхода.

Без ложного стыда, без ужимок дикарей - сознаемся, что опустились до уровня варварства. Сознание есть уже ступень преуспевания.

Нужды нет, что оно ещё носит европейский костюм и по привычке произносит особенные слова. Но под костюмом — дикое побуждение, а смысл произносимых слов, часто великих, трогательных, объединяющих, уже затемнён. Пропадает руководящее знание. Люди незаметно привыкают к темноте.

Мало знания! Мало искусства! В жизни мало тех устоев, которые единственно могут привести к золотому веку единства.

Чем больше мы знаем, тем яснее наше незнание. Но если мы вообще не знаем, то даже и ощущения незнания нет. И двигаться нечем. И двигаться некуда. Тогда уже неизбежно — кромешное царство пошлости.

Молодые поколения ещё не приготовлены заглянуть смело, со светлой улыбкой, в ослепительное лицо знания и красоты. Откуда же придёт познание сущности вещей? Откуда придут мудрые взаимные отношения? Откуда придёт единение? То единение, которое служит верным залогом наступательных, твёрдых движений. Только на почве истинной красоты, на почве подлинного знания установятся отношения между народами. И настоящим проводником

будет международный язык знания и красоты искусства. Только эти проводники могут установить глаз добрый, так необходимый для будущего созидания.

Путём вражды, грубости, поношения всё равно никуда не прийти. Ничего не создать. Разве совести уже не осталось в человеке? Но сущность человека всё же стремится к справедливому познанию.

Прочь тьму, прочь злобу и предательство. Человечество уже достаточно настрадалось от рук тьмы.

Вот скажу не общее место, не пустое слово. Скажу убеждённое устремление подвига: «Единственная опора жизни — искусство и знание. Именно в наши трудные дни, в наше тяжёлое время будем твёрдо помнить об этих светлых двигателях. И в испытаниях, и в боях будем исповедовать всеми силами духа».

Вы говорите: «Трудно нам. Где же думать о знании и красоте, когда жить нечем. Далеко нам до знания и до искусства. Нужно устроить раньше важные дела».

Отвечаю: «Ваша правда, но и ваша ложь. Ведь знание и искусство не роскошь. Знание и искусство не безделье. Пора уже запомнить. Это молитва и подвиг духа. Неужели же, по-вашему, люди молятся лишь на переполненный желудок или с перепоею? Или от беззаботного безделья?»

Нет, молятся в минуты наиболее трудные. Так и эта молитва духа наиболее нужна, когда всё существо потрясено и нуждается в твёрдой опоре. Ищет мудрое решение. А где же опора твёрже? А чем же дух зажжётся светлее?»

Ведь не голод ощущаем. Не от холода сотрясаемся. Дрожим от колебания нашего духа, от недоверия, от нереализованных ожиданий.

Вспомним, как часто, трудясь, мы забывали о пище, не замечали ветра, и холода, и зноя. Устремлённый дух окутывал нас непроницаемым покровом.

«Оружие не рассекает его. Огонь не палит его. Вода его не мочит. Ветер его не сушит. Ибо нельзя ни рассечь, ни высушить его: постоянный, всепроникающий, устойчивый, незыблемый, извечный он. Один почитает его за чудо; другой говорит о нём как о чуде; третий слышит о нём как о чуде, но и услышав, никто не знает его». (Бхагавад-Гита).

Великая мудрость всех веков и народов о чём говорит? О человеческом духе. Вдумайтесь в глубокие слова и в ваш житейский смысл. Вы не знаете границы мощи вашего духа. Вы не знаете сами, через какие непреодолимые препятствия возносит вас дух, чтобы опустить на землю невредимыми и вечно обновлёнными. И когда вам трудно и тяжело и будто бы безысходно, не чувствуете ли вы, что кто-то помогающий уже мчится к вам на помощь? Но путь его долог, а малодушие наше быстро. Но ведь он идёт и несёт вам и «Меч мужества», и «Улыбку смелости».

Говорили о семье, покончившей жизнь угаром от отчаяния. Ведь это нестерпимо малодушно. Ведь при будущей победе духа они, ушедшие самовольно и боязливо, будут терзаться, ибо не приложили труда своего к тому, к чему должны были. Не всё ли равно, какой труд. Утопающий борется с волной всеми мерами. Но если силён дух его, то и сила духа его умножится безмерно.

Но чем же вызовете дух ваш? Чем вскроете то, что у многих засыпано обломками обихода? Твержу, повторяю: красотой искусства, глубиной знания. В них, единственно в них, заключены всепобедные заветы духа. И очищенный дух вам укажет, которое знание истинно, которое искусство подлинно. Верю,

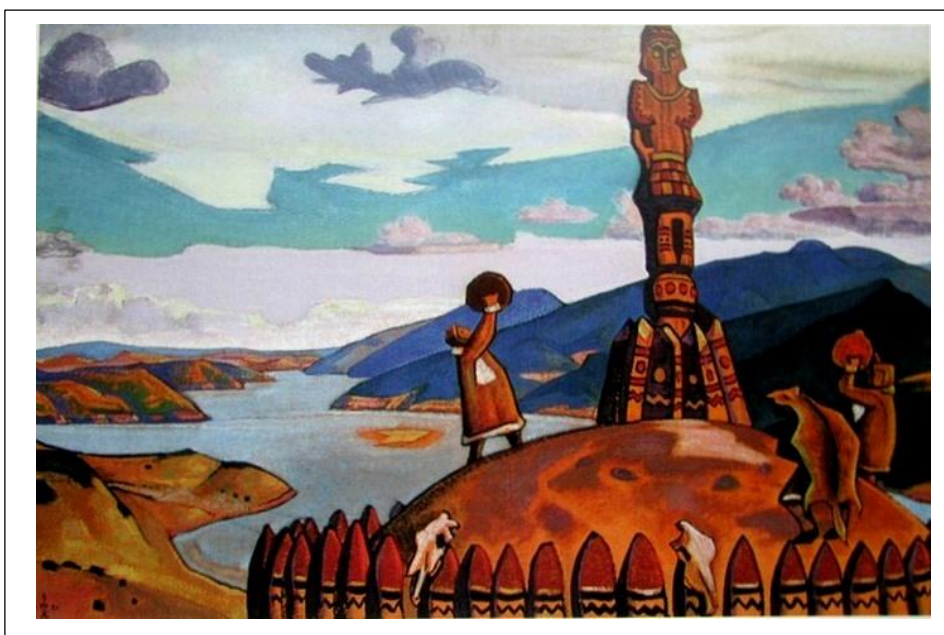
что вы сумеете призвать себе на помощь дух ваш. Он, ваш руководитель, покажет вам лучшие пути. Он поведёт вас к радости и победе. Но и к победе он поведёт вас вышним путём, ступени которого скованы лишь знанием и красотой...

Всему миру приходит трудное испытание. Испытание восприятием Истины. После средневековых испытаний огнём, водой и железом предстоит испытание восприятием культуры, но если сила духа возносила людей против огня и железа, то та же сила вознесёт их на ступени знания и красоты. Но это испытание труднее древних.

Готовьтесь к подвигу, творимому в жизни ежедневно. А теперь отнеситесь бережно ко всему, что двигает культуру. С особой признательностью подойдите ко всему, что выявляет ступени красоты. Ведь сейчас это особенно трудно.

Но алмаз — подобен Красоте!

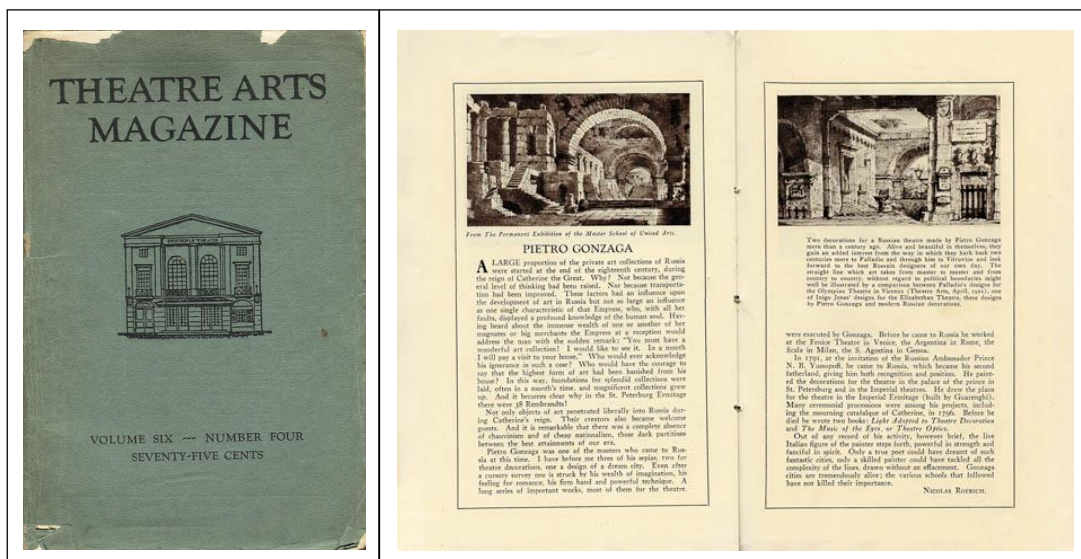
Adamant. New York: Corona Mundi, 1922 г.

Н.К. Рерих. Танец охотников (Святые охотники). 1921.

Октябрь 1922 г.

В 1922 году в октябрьском номере журнала «Theatre Arts Magazine», выходящего в Нью-Йорке, появилась статья Николая Рериха под названием «Пьетро Гонзага».

[Подпись автора к иллюстрациям]:

«Две декорации для русского театра, созданные Пьетро Гонзага более века назад. Живые и прекрасные сами по себе, они также интересны тем, каким образом им удаётся перенести зрителя на два века в прошлое, к работам Палладио¹, через него к Витрувию², а потом дать взглянуть в будущее, на работы лучших русских оформителей дня сегодняшнего. Эту прямую линию преемственности, ведущую искусство от мастера к мастеру, от страны к стране, невзирая на политические границы между ними, можно прекрасно проиллюстрировать сравнением проектов Палладио театра Олимпико в Виченце с одним из проектов Иниго Джонса Елизаветинского театра, этими двумя эскизами Пьетро Гонзага и современными русскими декорациями». (Пер. с англ.)

ПЬЕТРО ГОНЗАГА

Создание очень многих частных художественных собраний в России началось в конце восемнадцатого века, во времена правления Екатерины Великой. Почему? Не потому, что вырос общий уровень сознательности. Не потому, что улучшились перевозки. Всё это имело влияние на развитие искусства в России, но далеко не такое сильное, как удивительное качество императрицы, которая, несмотря на все свои ошибки, была знатоком глубин человеческой души. Узнав о несметном богатстве одного из своих вельмож или купцов, во время приёма она могла обратиться к нему с неожиданными словами: «У вас, должно быть, замечательное собрание искусства! Я бы хотела взглянуть на него. В течение месяца я заеду к вам домой». Кто в таком случае мог признаться в своём невежестве? У кого хватило бы смелости заявить, что прекрасных картин нет у него в доме? Так были заложены основания замечательных коллекций, часто в течение одного месяца, а потом эти собрания только росли. Становится ясно, почему в санкт-петербургском Эрмитаже было 38 картин Рембрандта!

Не только произведения искусства легко попадали в Россию во время правления Екатерины. Их создатели тоже становились желанными гостями. Примечательно, что в то время не было ни шовинизма, ни дешёвого национализма, этих тёмных преград для лучших достижений нашей эпохи.

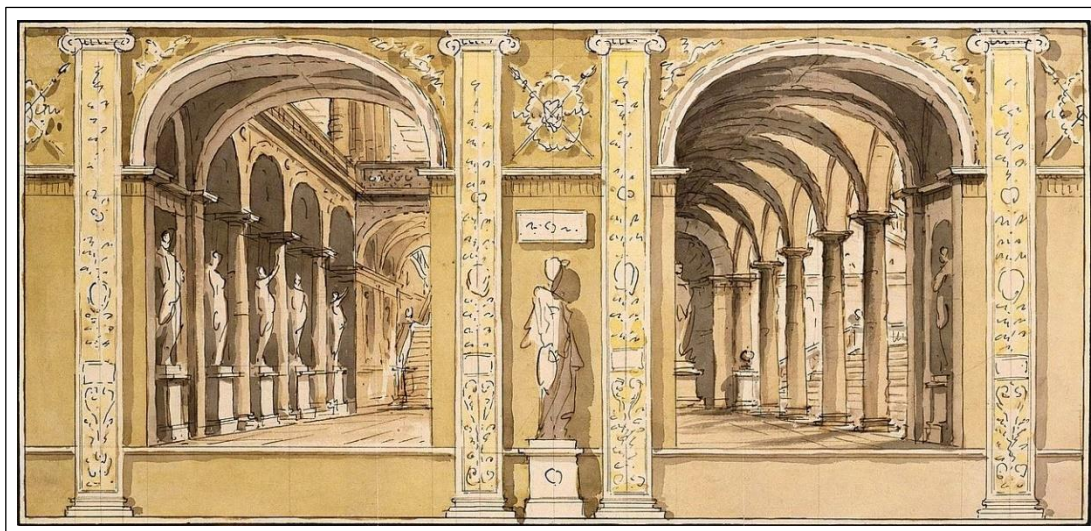
Пьетро Гонзага был одним из мастеров, прибывших в Россию в то время. Передо мной лежат три его сепии — две театральные декорации и проект идеального города. Даже при беглом взгляде поражают сила его воображения, романтизм, его твёрдая рука и мощная техника. Гонзага создал большое число работ, по большей части для театра. До приезда в Россию он работал в театрах Ла Фениче в Венеции, Арджентина в Риме, Ла Скала в Милане, Сант-Агостино в Генуе.

В 1791 году (*по другим сведениям, в 1792-м. — Примеч. П.И. Крылова*) по приглашению российского посла, князя Николая Борисовича Юсупова, он приехал в Россию, которая стала его второй родиной, давшей ему и признание, и положение. Он писал декорации для театра во дворце князя, для императорских театров. Он создал планы императорского Эрмитажного театра (построенного Кваренги). Он зарисовал многие церемониальные процессии, включая похороны Екатерины в 1796 году. Незадолго до смерти он написал две книги — «Light Adapted to Theatre Decoration» («Свет в приложении к театральным декорациям») и «The Music of the Eyes, or Theatre Optics» («Музыка для глаз, или Театральная оптика»).

По любому, даже краткому, описанию его деятельности перед нами встанет живой образ итальянского художника, мощного по своей силе и изощрённости духа. Только истинный поэт мог мечтать о подобных фантастических городах, только очень опытный художник мог изобразить всё это сложное переплетение линий безо всякого упрощения. Города Гонзага удивительно живые, все последующие школы не умалили их значения.

Николай Рерих

Публикуется по изданию Журнал «Восход» № 6 (266), Июнь, 2016.

Пьетро Гонзага. Галерея Гонзага. Эрмитаж. Эскиз фрески, до 1807